

«Бог уберет меня от Большого театра»

Русский курсер — 2004 — 22 сент. — 9

Владимир Малахов впервые приехал в Москву в новом качестве. В июле он подписал пятилетний контракт с администрацией столицы ФРГ и стал директором Берлинского государственного балета. Нынешний пост Малахова можно считать прямым следствием его былых менеджерских успехов. Сначала он возглавлял балет Штаатсопер, а когда три берлинских театра оперы и балета — Дойче опер, Штаатсопер и Комише опер — были реструктуризованы, а их балетные труппы объединены, именно Малахова отцы города увидели в роли полноправного руководителя новой, независимой структуры. Владимир МАЛАХОВ дал интервью «РК».

— Если завтра вам предложат возглавить балетную труппу Большого, с чего вы начнете?

— Ну вот так сразу! Думать о позиции, которую занимает мой друг, Алексей Ратманский, трудно, и не хочется. Я считаю, что он на своем месте, и сделает из театра то, что задумал. Возможно, в течение этих лет, что я работаю в Берлине, а он в Большом театре, мы объединим наши директорские усилия и организуем совместные проекты.

— Уже есть определенные планы?

— Еще нет, но будем разговаривать. Пока нелегко планировать, что и как будет. У него первый сезон в Большом, и у меня первый сезон с моей объединенной труппой. Сейчас я возглавляю фактически три балета — Штаатсопер, Дойче опер и Комише опер. И все это в одном театре.

— Работать стало тяжелее?

— Нет, так же. Просто больше ответственности, больше спектаклей. Две сцены. И конечно, забота о репертуаре. Хочется сделать качественные спектакли. Тогда и количество придет.

— Что собираетесь ставить в этом сезоне?

— 29 сентября у нас премьера — «Жар-птица» и «Весна священная» в постановке Анжелена Прельжокажа. Дирижировать будет Даниэль Баренбойм. Ровно через месяц, 29 октября, еще одна премьера — «Кольцо», грандиозный балет продолжительностью в четыре с половиной часа. Это такое своеобразное танцевальное прочтение вагнеровского «Кольца Нибелунгов» под очень любопытной звуковой ряд. Там будет фортепиано, оперные фрагменты в записи и

текст. Читает Микаэль Денар, а ставит Морис Бежар. В апреле покажем «Манон» Макмиллана. Также в репертуаре классика, в том числе «Лебединое», «Баядерка», «Щелкунчик». Кроме того, есть «Онегин» Крэнко, «Парк» Прельжокажа, программы Килиана и Баланчина.

— Большой такой насыщенности может только позавидовать. «Кольцо» — это дань немецкой специфике труппы?

— Нет, это чисто творческое решение. Мои городские патроны не обязывают меня сохранять немецкую специфику. Моя задача — сделать интересный и разнообразный репертуар, и я стараюсь приглашать хореографов, которые нравятся мне и могут обеспечить рост танцовщиков. Я считаю, что труппа должна быть образованна как можно шире — исполнять и классику, и неоклассику, и модерн. Поэтому я хотел бы иметь в репертуаре Бежара, Начо Дуато, Марка Морриса, Форсайта, Ван Манена... Вообще у меня много планов, о которых я пока не могу говорить.

— Даже судя по тому, что вы сказали, в средствах и возможностях вы, как арт-директор, не ограничены. Все, кого вы перечислили, очень заняты и очень дороги.

— Берлинские власти меня не обижают, но и я, со своей стороны, должен делать все, чтобы оправдать вложенные средства. От меня требуется максимально ярко представить театр, курировать соответствующие рекламные проекты, но прежде всего безостановочно улучшать качество труппы, а это работа, работа и еще раз работа. Компания работает в очень напряженном режиме — с десяти утра до десяти вечера, каждый день. Для Запада это нормально.

— Вы считаете себя жестким руководителем? Или жестоким?

— Не жестокий, нет. Я не злопамятный и не стараюсь причинить людям зло. Но я жесткий. Я хочу, чтобы все было организовано. Если я организован, то и труппа должна быть организована. Если я делаю класс до конца, то и труппа должна делать так же.

— Вы делаете класс с труппой?

— Конечно! И класс делаю, и в кафе-терии вместе сидим. Я не считаю себя каким-то особенным и не хочу отделяться от артистов. Они сразу это почувствуют. Да, я знаю, и они знают, что я ими ру-

ководу. Но в первую очередь мне хочется быть нормальным человеком. Если ты открыт, то к тебе потянутся, и атмосфера в компании будет хорошая. Стараюсь избегать интриг, неприятных ситуаций. Все получат свои роли, если захотят.

— То есть к вам может прийти любой артист и сказать: «Господин директор, я хочу подготовить эту партию»?

— В принципе да. Я дам соискателю один шанс, второй. Но если артист не справляется, он для меня потихонечку исчезает. Может быть, человек проснетесь в будущем, но время не ждет. Молодые растут и стараются выбиваться быстрее и быстрее. Другое дело, что директор обязан сопереживать интересам ветеранов и молодых: все должны быть обеспечены работой.

— В вашей труппе пестрый интернациональный состав. Вы принципиально набираете артистов из разных стран и школ?

— Так сложилось само собой. У нас открытый конкурс. Меня не интересует, откуда приехал кандидат и что он окончил. Если артист мне нравится, если он талантлив, ему предоставляется зеленая улица.

— На каком языке вы с ними разговариваете?

— На английском, немецком, русском. Я и класс даю на трех языках, уже привык.

— Говорят, что у вас глаз — алмаз. Ваша солистка Полина Семионова в родном московском училище долгое время считалась абсолютно непроспективной.

— Да, я буквально выхватил ее из класса, сказал педагогу, какая она заме-

чательная, и девушка расцвела. Это очень важно, вовремя увидеть артиста, поэтому я постоянно стреляю глазом, ищу молодых и перспективных. Я рад, что Полина делает колоссальные успехи. Сейчас она готовит Зиглинду и Брунгильду в «Кольце», а на открытии сезона танцевала со мной «Лебединое».

— Как вам удастся совмещать исполнительскую карьеру с директорством?

— Я стараюсь. Если нет интенсивной работы в Берлине, еду танцевать в Венскую оперу и в АВТ. Кроме того, у меня есть постоянные гастроли в Японии, Финляндии, Греции. В большинстве случаев удается выбираться, когда труппа в отпуске или в отпуске. А если уезжаю, как сейчас, в разгар сезона, вижу на телефоне, чтобы во всех подробностях знать, как работают артисты.

— Ваш одноклассник Ратманский с назначением на должность закончил танцевать. Вы не собираетесь последовать его примеру?

— Я еще потанцую. Было тяжело сочетать танец с руководством в первый год, но потом я разобрался и понял, что взял на себя слишком много обязательств. Сейчас я более рационально подошел к организации своего труда, передоворил бумажные дела помощникам и сосредоточился на творческой составляющей.

— После школы вы хотели танцевать в Большом, но в труппу вас не взяли. У вас нет обиды на театр?

— Сейчас нет. Все предвосхищено свыше. Я думаю, что судьба в свое время уберегла меня от Большого театра. Не знаю, как сегодня, но тогда молодому танцовщику затеряться в этой огромной труппе было легче легкого. Может быть, сейчас что-то изменилось. Многие зависят от позиции руководства. Вот Нуреев, например, вытаскивал из кордебалета девочек и танцевал с ними, хотя, естественно, этули были недовольны.

— А вы в Берлине можете отказаться на такой шаг?

— Могу. Пока не попробовал, но обязательно попробую.

— И последний вопрос. Вы непременно курите. Вам, как танцовщику, это не мешает?

— Давайте не будем о курении — это моя самая большая проблема. Но я стараюсь потихонечку с ней завязывать.

23.09.04
Малахов Владимир